I. Rozprawy i analizy

DOI: 10.17951/et.2019.31.27

Алла Кожинова
ORCID: 0000-0002-5498-7037
(Минск, БГУ)

Внутренняя форма слова и ее реализация в древних славянских текстах*

W artykule dokonano analizy udziału wewnętrznej formy słowa w tworzeniu tekstu, a mianowicie zbadano kwestię, czy pamięć historyczna słowa wywiera wpływ na powstanie tekstu, łącząc jego poszczególne fragmenty. Rozpatrywana jest przezroczysta motywacja słowa, która bierze udział w tworzeniu konstrukcji zwanej *figura etymologica*, oraz motywacja deetymologizowana tworząca związki różnego rodzaju wewnątrz przestrzeni tekstowej. Badania przeprowadzono na bazie tekstów starosłowiańskich i cerkiewnosłowiańskich.

Słowa kluczowe: wewnętrzna forma słowa; etymologia; język cerkiewno-słowiański; język starosłowiański; lingwistyka tekstu

1. Введение

Представление о внутренней форме слова берет свое начало в трудах Александра А. Потебни, который определил ее как особенность, рождающуюся вместе с пониманием и выделяющую один из признаков в составе мысли, принимаемой за содержание слова. Именно внутренняя форма, или ближайшее этимологическое значение, обусловливает внешнюю звуковую форму и именно на внутренней форме базируется дальнейшее значение, т.е. субъективное содержание, представляющее множество признаков. Эта форма первоначально и объективно связывает слово с действительностью, выбирая в представлении человека об

* Статья подготовлена по материалам выступления на XVI Международном конгрессе славистов (Белград, 2018).

этой действительности лишь одну из характеристик: „Так, мысль о туче представлялась народу под формой одного из своих признаков, именно того, что она вбирает в себя воду или изливает ее из себя, откуда слова *туча* (корень *ту*, пить и лить)" (Потебня 1976: 115). Именно поэтому слово может заменить случайные и изменчивые словосочетания, составляющие образ предмета действительности, постоянным представлением, и на этой основе слово служит главным средством образования понятия. То есть, внутренняя форма оказывается единственным, по крайней мере манифестированным, представителем связи понятия с реальностью. Далее язык, упорядочивая и сгущая мысль в понятия, создает „тот стройный мир, за пределы коего мы, раз вступивши в них, не выходим" (там же: 168).

Важность внутренней формы для сознания человека, участвующего в построении модели мира как полигона дальнейших исследований, приводит к тому, что даже будучи утраченной, она постоянно возобновляется в процессе народной этимологизации: „. . . известное слово или форма, связь которого или которой с другими тождественными или родственными забыта в чутье народа. . . стоит особняком в языке, пока, наконец, оно или она не подвергнется влиянию новой семьи слов или же категории форм действием народного словопроизводства, аналогии" (Baudouin de Courtenay 1990: 46). О возникновении вторичного осмысления условной связи означающего и означаемого пишет Р.Якобсон: „В силу тесной связи между звуками и значением в слове, у говорящих возникает потребность это внешнее отношение дополнить внутренним, смежность дополнить сходством, "рудиментом" изобразительного начала" (Якобсон 1985: 89).

Александр А. Потебня писал и о роли внутренней формы в порождении художественного произведения, считая последнее синтезом трех моментов: внешней формы, внутренней формы и содержания (Потебня 1976: 190). По его мнению, народ в своем творчестве руководствовался не поиском новых восприятий, а стремлением возродить забытую этимологию. Так, постоянный эпитет *берег крутой* возможен благодаря наличию у слова *берег* внутренней формы 'гора' (там же: 199).

Разумеется, не всегда работа внутренней формы получает экспликацию, но, тем не менее, при соответствующем анализе ее можно обнаружить. Для этого необходимо как исследование поверхностных отношений, репрезентируемых семантикой слова и прозрачной мотивировкой, проявляющейся в его морфонологической структуре, так и анализ глубинной семантики, представляемой этимологией слова, а также учет диалогических отношений с другими текстами, прежде всего, теми ори-

гиналами, с которых были выполнены древние славянские переводы.

2. Figura etymologica

Наиболее очевидно работа внутренней формы обнаруживается в т. н. *figura etymologica*, или повторении однокоренных слов, усиливающем эмфазу текста. Во многих переводных текстах подобные конструкции наследуются из оригинала в случае, если они не нарушают законов построения текста на языке перевода, а также требований языковой системы. Так, в славянских переводах сохраняются глагольно-именные этимологические фигуры, присутствовавшие в греческом тексте Нового завета: содержащаяся в Мт. 2. 10 фигура ἐχάρησαν χαρὰν μεγάλην σφόδρα в Мариинском евангелии была переведена как *въз**ра(д**оваш)ѧ сѧ **рад**остиж велиж зѣло* (Мар.) и повторена в Острожской библии (*въз**рад**овашѧ*[c] ***рад**остїю велїею ѕѣло* (Острож.).

Этимологическая связь, появляющаяся в переводном тексте, может быть не столь очевидной. Например, ἐπιθυμίᾳ ἐπεθύμησα (Лк. 22. 15) переводится в Мариинском евангелии как *желѣниемь въжделѣхъ* (Мар.) (ср. в Острожской библии: *желанїемъ въж(д)лѣхъ* (Острож.). Возможно, изменение семантики и стилистической окраски глагола *въжделѣти*, а также глагольного управления, привело к иному представлению данного фрагмента в русском Синодальном переводе: *очень желал.*

Интересно, что в переводах *figura etymologica* может появляться на основе естественной мотивировочной связи слов даже в случае отсутствия ее в языке, с которого был сделан перевод. Такой конструкт, например, возникает в стихе Быт. 9, 14 как перевод ἐν τ ῳ συν**νεφε** ιν με **νεφ**έλας (*егда **облач**ю **облак**ы на землю*) в списке XIV в. (Сл. XI–XVII вв. 1987: 68), где он обоснован повтором в оригинальном тексте, а также в 10 главе Апокалипсиса (Откр. 10. 1) на месте совершенно иной греч. синтагмы – περιβεβλημένον νεφέλην – в Острожской библии (*видѣхъ инь агг҃лъ крѣпокъ сходѧщъ с нбсе*, ***облъч**енъ въ **облак**ъ* (Острож.)). Эта фигура может появляться и в иных текстах: ***облач**аѧ нбо **облак**ы готоваѧ земли дожгъ израстающихъ ради сѣѧтвы и сѣно скотомъ* (Требник XVI в., Сл.XI–XVII вв. 1987: 68). В нее могут вовлекаться слова, этимологически не связанные, но формально схожие: *мниси... зане толикъ **облак**ъ видѣша градъ **облеж**ащь, оставивше своѧ вертъпы и куща, отвъсюду стекошасѧ* (Хроника Георгия Амартола, XII-XIV вв.; Сл.XI–XVII вв. 1987: 71).

Такая этимологическая фигура может становится системным образованием, регулярно повторяющимся в текстах, как, например, *ковъ*

ковати ‘замышлять зло, строить козни против кого-л.’, приводимом «Словарем русского языка XI – XVII вв.» (Сл.XI–XVII вв. 1980: 213) в качестве устойчивого, повторяющегося в различных текстах, ср. ***ковъ кующе*** *на ня, изгнаша въся* (Усп. сб.: 195). Следует, кстати, отметить, что лексема *козни* (ср. ст.-сл. *къзнь*), использующаяся в словаре в качестве толкования слова *ковъ* (Сл.XI–XVII вв. 1987: 210, 213), также вступает с этим словом в мотивационную связь, будучи „этимологически тождественно **kuznъ...*, отличаясь от последнего „удивительным” вокализмом” (ЭССЯ 1987: 249), слово же **kuznъ* – это „производное с суффиксом -*znъ* от **kovati*” (ЭССЯ 1987: 145).

Текст может быть наполнен этимологическими фигурами. Так, при анализе *Слова о полку Игореве* Андрей А. Зализняк отмечал, что „прием соединения однокоренных слов для достижения большей выразительности автору СПИ [Слова о полку Игореве – А.К.] хорошо знаком и использован им неоднократно: *одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю*; *начашя мосты мостити*; *уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати*” (Зализняк 2004: 257), ср. там же *полозію ползоша.*

Использование этимологических фигур продолжается и в новое время. В русском языке появляется ряд конструкций, неизвестных текстам древности. В них наречия, образованные от творительного падежа отглагольного существительного (современного или древнего) („ввиду народного характера этих наречий, в древних памятниках они почти не представлены” (Зализняк 2004: 258)), сочетаются с самим производящим глаголом, ср.: *Мы даже разговаривать друг с другом стали шепотом, хотя знали, что здесь хоть* ***криком кричи***, *ни до кого не докричишься* [А. Приставкин (2005)][1]; *Студень – гордость стряпух, чуть только жирком подернутый сверху, колыхнулся при появлении гостей в горнице и* ***дрожью дрожит*** [В. Астафьев (1968-1991)]; *Татьяна* ***бегом бежала*** *по улицам, примчалась к дому* [А. Слаповский (2006)] и др.

3. Деэтимологизировавшаяся внутренняя форма

Для построения этимологической фигуры необходимо, чтобы настоящая или мнимая мотивировка была прозрачной, явно прочитывалась в морфонологической структуре слова. Однако во многих случаях

[1] Здесь и далее современные русские примеры, если не указано иначе, приводятся по Национальному корпусу русского языка. URL: http://ruscorpora.ru. Дата доступа: 10.11.2018.

употребление в древнем тексте извлекает на поверхность деэтимологизировавшуюся внутреннюю форму. Так, например, глагол *ржати / поржати* выступает в старославянских текстах в значении ‘глумиться, насмехаться; осмеивать, осмеять’, ср., например: *иродъ видѣвъ ѣко* ***поржганъ*** *бъис(тъ) отъ влѣхвъ* (Ассеманиево евангелие (СС: 481, 588)); в Синодальном переводе: *Тогда Ирод, увидев себя* ***осмеянным*** *волхвами...*). В данном случае рассматриваемый глагол выступает как перевод греч. ἐμπαίζω ‘насмехаться, осмеивать’ (Вейсман 1899: 421), в семантике которого очевидно превалирование представления о вербальном унижении. Идя вслед за греческим первоисточником, лексема *ржати* приобретает возможность выражать значение ‘играть, веселиться’, также содержащееся в семантике греческого глагола, ср. *змъи съ їже съзъда ржати сїѧ емоу* (Син., Пс. 103, 26; в Синодальном переводе: *там этот левиафан, которого ты сотворил играть в нем*). Последний фрагмент из Синайской псалтири показывает возможные источники формирования подобной семантики, поскольку в данном случае представлен перевод др.-евр. שָׂחַק, которое в породе Qal имело значение ‘смеяться, играть’, а в породе Hiphil – ‘смеяться с насмешкой, глумиться’ (Brown, Driver, Briggs 1907: 965). При этом для греческой лексемы в связи с ее происхождением от греч. παίζω ‘играть, как ребенок, тешиться, забавляться’ (Вейсман 1899: 920) первичным значением было, скорее, ‘веселиться’.

Однако внутренняя форма славянской лексемы не поддержала подобной семантики, поскольку для праслав. языка восстанавливается инфинитив **rěgti* со значением ‘ударять, бить’, сохранившимся, например, в болг. *ръгамъ* ‘бодать, пырять (ножом)’, рус. диал. *изругаться* ‘испортиться, изломаться’ (Меркулова 1978: 97). Эта внутренняя форма находит свое проявление уже в старославянском языке в значении и ближайшем окружении девербатива *поржгание*, где содержащаяся во внутренней форме идея разрушения четко представлена: *і прѣдадѧтъ і на* ***поржгание*** *ѩзык(о)мъ і* ***биение*** *и* ***пропѧтье*** (Мф. 20, 19) (Мар.). Церковно-славянские тексты демонстрируют возможность экспликации внутренней формы и для глагола, ср. в Апостоле XII в.: *егда же быс(ть) устрьмленнье ѧзыкомъ же и июдеомъ съ кнѧзи своими* ***ругати*** *ѧ и каменьемь* ***бити*** *ѧ* (Сл. XI–XVII вв. 1997: 232).

Безусловно, реализация внутренней формы в тексте инициируется и поддерживается семантическими механизмами, как внутрисистемными, так и собственно текстовыми. Внутренняя форма, являясь первичным импульсом формирования номинации, не может исчезнуть, не оставив следа в семантике слова, поскольку всегда, как уже говорилось выше, будет связана с каким-либо признаком номинируемого денотата,

входящим также в десигнат слова, на котором формируется его значение. Это значение «заказывается», требуется контекстом, в который в процессе построения текста помещается слово, – ведь употребление тех или иных слов обусловлено как реализацией общего замысла текста, так и смыслом его отдельных фрагментов.

Можно предположить, что если в структуре текста этот принцип будет нарушен, возможен позднейший пересмотр и изменение текста (сознательное или несознательное), вплоть до восстановления утраченных связей. Эту мысль можно проиллюстрировать на примере замены слова в процессе перевода стиха Пс. 91 (90), 6. В первом славянском переводе Псалтири – Синайской – читаем: *не оубоиши сѧ ... отъ вешти во тъмѣ прѣходѧштѣѩ ˜ ото сърѧштѧ і демона полоудьнѣего* (Син.).

Эта версия была оставлена без изменений и в церковно-славянском тексте, даже в Острожской библии, редактированной ее создателями по различным источникам (см. Алексеев 1999: 204): (*не оубоишисѧ*)... *ѿ вещи въ тмѣ преходѧщаѧ, ѿ срѧща и бѣса полꙋднѣнаго* (Острож.).

Такой перевод, основанный на тексте LXX, нарушил семантический и мотивационный параллелизм, представленный в древнееврейском тексте, где предлагается опасаться: מִדֶּבֶר בָּאֹפֶל יַהֲלֹךְ (*во тьме ходящего разрушения*), מִקֶּטֶב יָשׁוּד צָהֳרָיִם (*опустошающей в полдень заразы*). Славянская версия содержит несколько переводческих ошибок, вызванных, скорее всего, редкостью слов, стоящих в оригинальном тексте. Лексема *вещь* ‘предмет’ появляется еще в тексте Синайской псалтири (*отъ вешти во тъмѣ прѣходѧштѣѩ* (Син. Пс. 91 (90), 6) как представление греч. πρᾶγμα ‘дело, обстоятельство; хлопоты; вещь, предмет’ (Вейсман 1899: 1040), хотя в оригинальном тексте стоит слово קֶטֶב ‘разрушение’, связанное своим происхождением с консонантным корнем קטב ‘отрезать’ (Brown, Driver, Briggs 1907: 881), которое, кроме Псалтири, представлено еще только во Втор. 32, 24 и Ис. 28, 2. Возможно, переводчики Септуагинты не опознали слово и заменили его нейтральным субститутом с наиболее общим значением.

Интересны причины, вызвавшие появление слова *демонъ* (*бѣсъ* в Острожской библии) как перевод греч. δάιμων ‘божество’, позднее ‘злой дух’ (Вейсман 1899: 282). В данном случае уже в процессе создания Септуагинты произошло смешение корня שָׁדַד ‘разрушать, грабить’, от которого происходит стоящая в рассматриваемом фрагменте лексема שׁוּד ‘разрушение’ (Brown, Driver, Briggs 1907: 1000), являющаяся гапаксом в тексте Библии, со сходным корнем שֵׁד ‘демон’ (там же: 993).

У слова *демонъ / бѣсъ* в переводе появилось определение, представляющее др.-евр. צָהֳרַיִם ‘полдень’, а слово דֶּבֶר ‘зараза, моровая язва’ было

представлено как *сърѧштѧ* ‘нападение’ (СС: 668), являясь переводом греч. σύμπτωμα ‘приключение, случай, несчастье’ (Вейсман 1899: 1183). При этом трудно ответить на вопрос, почему в греческом тексте Септуагинты имела место определенная мелиорация представленного в оригинальном библейском тексте понятия.

В Синодальном переводе ошибка была исправлена: “Не убоишься ужасов ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень” (Пс. 91 (90), 5–6). Тем самым был утвержден параллелизм не только на поверхностном, но и на глубинном уровне, и все элементы внутренней формы входящих в данный фрагмент слов были реализованы. Первичный импульс задает стоящий в позиции предиката глагол *убояться*, поскольку его корневой элемент родственен праслав. **biti* со значением ‘бить, ударять, разрушать’ (ЭССЯ 1975: 99), и это значение проходит через внутреннюю форму всех зависимых от него лексем. С представлением об ударе связано слово *ужас*, ср. этимологию однокоренного с ним блр. *жах*: „Через чередование гласных связывается с *гасіць*... Значение *гасіць* ‘ударять’ показывает, что *жах* ‘удар’ не отдельное звукоподражательное слов, а развитие одного значения” (ЭСБМ 1985: 223). Слово *зараза* сопоставляется с глаголом *разити*, *язва* соотносится с лит. *áiža* ‘трещина, щель’, *ìžti* ‘разбиваться, лопаться’, ср. лтш. *aĩza* ‘ущелие’ (Фасмер 1987б: 159–160). Для лексемы *стрела* не восстанавливается и.-е. мотивировка, поскольку оно по наиболее вероятной версии рассматривается как древнее заимствование с Востока (см. примечание О.Н. Трубачева в Фасмер 1987а: 774), однако само лексическое значение данного слова поддерживает устанавливающуюся в данном ряду идею разрушения.

Именно поддержкой текстообразующих механизмов может быть обусловлен тот факт, что в тексте получают реализацию различные мотивировки, связанные со словом, как это происходит в случае с лексемой *страхъ*. Общепринятой этимологией является та, которая возводит лексему *страхъ* к и.-е. корням **(s)ter-, *(s)terə- : *(s)trē-* со значением ‘неподвижный, жесткий’ (Pokorny 1959, 1022). Действительно, омертвение, оцепенение – достаточно распространенное физиологическое состояние, сопутствующее страху, и именно оно эксплицируется в тексте, например, в текстах Кирилла Туровского – *егда ангелъ камень отвали отъ двърии, и отъ* ***страха*** *его* ***омьртвеша*** *стрегущеи* (Кир. Тур. 2: 423); *азъ же окаганныи все житье мое сконцавъ блудно*, ***страхомъ одержимъ*** *есмь* (Кир. Тур. 3: 307). Уместность последнего примера верифицируется этимологией лексемы *дръжати*, связанной с др.–инд. *dṛ́hyati* ‘быть крепким’, авест. *dar zayeiti* ‘связывать’ (ЭССЯ 1978: 231).

Однако существует по крайней мере еще одна мотивировка, в определенной степени противоположная приведенной выше и связывающая рассматриваемый корень с и.-е. **ser- / sor-* со значением ‘двигаться, убегать’ (Ondruš 1959: 15). Подобное предположение также находит воплощение в тексте того же автора – ***страхомъ*** *бо его, рече пророкъ,* ***движетсѧ*** *земліа* (Кир. Тур. 2, 341); *не бѣша бо и еще Свѧтаго приѧли Духа, тѣмь и* ***страшливи****, и* ***бегуни****, и неимовѣриви бигаху* (Кир. Тур. 2, 413); *бо они* ***страха*** *ради жидовьска* ***разбѣгошасѧ*** (Кир. Тур. 2, 425).

Разумеется, реализация в тексте амбивалентных мотивировок одного корня объясняется не возможностью для слова иметь несколько истинных этимологий, но совместимостью понятий, в данном случае „пугаться” и „бежать”, в человеческом сознании, и, как следствие этого, совмещением их в пределах одного контекста или даже в пределах семантической сферы одной лексемы. Так, греч. φέβομαι, восходящее к тому же и.-е. корню **bhu̯eg-*, что и ст.-слав. *бѣгати*, имеет значение ‘бояться’ и ‘бежать’, значение ‘испугаться’ имеет лит. *bùgti* от того же корня, а значение ‘запугивать’ словен. *bégati* (ЭССЯ 1975: 58, 60), ср. рус. диал. *бегун, бегунец* ‘трус’ (СРНГ 1966: 172).

4. Народная этимология

Если истинная внутренняя форма связана с подчинением внеязыкового мира человеческому сознанию, то внутренняя форма, создаваемая народной этимологией, связана, прежде всего, с освоением мира внутриязыкового. Именно она подчиняет человеку новые и необычные для него слова и формы и находит им место в создаваемом тексте. Там, благодаря проведенной этимологизации, слово устанавливает новые связи и отношения, как это, в частности, произошло в случае сопоставления в тексте притчи, созданной Кириллом Туровским, лексем *вкусъ* и *уксусъ*: *заушение же иерѣискаго новоплодья по образу Адамова отъ дрѣва възбраненаго* ***вкуса****, въкушаеть зълчь съ* ***вкусомь*** (Кир. Тур. 1: 360). То, что вкусил Христос на кресте, обычно именовалось лексемой *оцьтъ* (лат. *acetum* ‘уксус’), форма же, восходящая к греч. ὄξος, впервые отмечена в грамматике 1136 г. (Черных 1999: 288 со ссылкой на Измаила И. Срезневского). Следовательно, для епископа Кирилла она была новой и необычной, но, прибегнув к народной этимологии, он нашел место неологизму в своей лексической системе и создал новую и необычную параллель между реальностями Ветхого и Нового Заветов,

продемонстрировав тем самым роль народной этимологии в построении текста.

Народная этимология, в том числе выразившаяся в тексте, может находить научное подтверждение. Так, народное сознание охотно объединяет корни **svęt-* и **svět-*, ср. также в тексте: *О* ***свѣтѣ свѧтѣмъ***, *како сходитъ ко гробу господню... Мнози бо странницы неправо глаголють о схождении* ***свѣта свѧтаго*** (Хождение игумена Даниила (XII в.) (Сл. XI–XVIII 1996: 213). Эта связь, по-видимому, может быть признана и этимологией научной – по крайней мере В.Н. Топоров возводит названные слова к связанным друг с другом и.-е. корням **k'u̯en-to-* и **k'u̯ei-* (Топоров 1987: 215).

Этимологические связи слов, даже созданные народной этимологией, могут поддерживаться на всем пространстве текста. Так, в Изборнике Святослава (1073 г.) читаем: *прѣбогатьныя славы и* ***породьныя*** *жизни изгънанъ бы(сть), съмьрти и тъли подъпадъ* (Изб.: 21); *и породу инако съказаюште и ни бывъшу, ни будушту отъ бā чувьствьну* ***породу***, *ни въ плъти съзъдана Адама* (Изб.: 26); *да вы убо имате царство нбсьное въ обиды мѣсто, они же* ***родьство*** *въ користи мѣсто* (Изб.: 351). Прослеживаемая здесь связь *породьныя – породу – родьство* также является порождением народно-этимологических представлений.

В данном случае совмещение христианства со славянскими языческими традициями повлияло на то, что пришедшее из греческого языка слово γέεννα 'геенна', соответствующее др.-евр. גֵּיבֶו־הִנֹּם, было прочитано славянскими переводчиками как γέννα 'происхождение, начало, род, поколение', что дало возможность назвать ад *род, родство.* Это было очень удобно, поскольку сближало ад с верховным языческим божеством Родом, а также обусловило неполную транслитерацию греч. παράδεισος – *порода*: «Адаптация гр. παράδεισος как раз и обусловлена, надо думать, этимологическим сближением с *род*, т.е. соответствующим переосмыслением греческого заимствования» (Успенский 1982: 147). Именно эта порожденная народным сознанием связь проходит через тексты Изборника.

5. Этимологические сети

Не обладающие формальным сходством, но связанные одной внутренней формой лексемы могут устанавливать своего рода этимологическую сеть, проходящую через различные тексты.

Так, возможно обнаружить связь лексемы *газва* ‘рана, язва, болезнь’ (ср. *моровая язва* ‘чума’ (Сл. XVIII в. 2003: 35)) с представлением о гневе: *аште имаши чѣто на врага · гждени* ***гнѣвъ*** *· исцѣли* ***ѣзвѫ*** (Супр. 421, 27); *не дрьзнеть б никѣто же* ***болѧ*** *сею* ***газею гнѣводрѣжиа*** *стати прѣдъ бм҃ъ въ чистѣ молитвѣ* (Пандекты Антиоха, XI в., Сл. XI–XVII вв. 1977: 43). Эта связь тем более интересна, что она поддерживается этимологически: праслав. **gnĕvъ* является родственным лит. *naivà* ‘тяжелая болезнь, слабость, чахотка’ (Шустер-Шевц 1992, 92).

Далее, уже древнейшие славянские тексты устанавливали связь между огнем и гневом. Можно предположить, что совместное употребление лексем *огнь* и *гнѣвъ* берет свое начало в параллелизме Псалтири *ї възгде дымъ* ***гнѣвомъ*** *его: И* ***огнь*** *отъ него выспланетъ сиѧ* (Син.; Пс. 17, 9); ср. также *доколѣ гї отъвраштаеши сиѧ въ конець ˜ разгоритъ сиѧ ѣко* ***огнь гнѣвъ*** *твои* (Син.; Пс. 88, 47). Подобное текстовое сопоставление подтверждается на этимологическом уровне – существует этимология, связывающая *огнь* и *гнѣвъ* через глагол **ognĕvati* (Мартынов 1962, 55), ср. также мнение Ф.Славского о происхождении лексемы *гнев* от форм со значением ‘слабо гореть’ (Sławski 1993, 399). Этот параллелизм продолжался и в славянских текстах, ср., например, у Кирилла Туровского: *донде же възгорѣшасѧ* ***огньмь***, *и мнози* ***гнѣвомь*** *Божиемь погибоша* (Кир. Тур. 1: 356); не *отвратисѧ со* ***гнѣвомъ*** *твоимъ отъ мене, не посли мѧ, Господи, въ* ***огнь*** (Кир. Тур. 3: 323).

Следующий фрагмент сети – связь между словами *гнѣвъ* и *гнити.* Существует мнение, согласно которому рассматриваемые лексемы принадлежат одному этимологическому гнезду: производное с именным вокализмом от *гнити* (*гной*) является производящим для двух каузативов – **gnoi-iti* > *гноить* и **gnoi-ti* > диал. гапакс *гнѣть* ‘разжигать’, с последней лексемой связывается форма *гнев* (Откупщиков 1986: 197). Эта связь также может находить представление в тексте, ср. у М.В. Ломоносова: *Мечи, щиты и крѣпость стѣн, Пред божьим гнѣвом гниль и тлѣн* (Сл.XVIII в.: 143).

Можно сделать и более широкое обобщение – *гнев, гнить, гной*, а возможно, и *гнести* семантически, вероятно, связываются с огнем, жаром, а также с трением (ЭСБМ 1985: 284), ср. также одну из возможных этимологий этой лексемы, представляющую огонь как средство против гниения – и.-е. **n-gnis* ‘не гниющий’ (Трубачев 1992: 18, ср. также ЭССЯ 32, 31–32). Связь между гниением и огнем слабо просматривается в древних текстах, однако позже она начинает проявляться, так, в тексте XVIII в. встречаем: *помянутый остановленный антонов* ***огонь***, *по начавшемуся* ***гниению*** *всего зараженнаго им мѣста над-*

лежало вырѣзывать (Сл.XVIII в. 1989: 143). При этом более поздние тексты все более активнее устанавливают эту параллель, ср. по данным Национального корпуса русского языка: *В дарованном нам темном и пустынном уголке жизни мы с радостью увидели светлую частицу будущности, рдеющую бледным* ***огнем*** *древесной* ***гнили*** [О. И. Сенковский (1833)]; ***Огонь*** *этой веры – фосфорический блеск* ***гниения*** [М. Горький (1915-1916)]; *Если у вас делают так, как ты сказал, то это плохо, человек остается* ***гнить*** *среди червей, а его дорога – через* ***огонь*** *в рай* [Г. Николаев (2002)]; *А зелень злаков была опалена* ***огнем*** *и* ***гноем*** [А. Щеглов (2003)].

В пространстве же древних славянских текстов огонь тесно связывался с болезнью: *аще* ***ѡгнемъ болить*** *кто, то к собѣ зоветь врача молѧся помощи* (Пчела). Об этом также свидетельствует ряд дериватов от слова *огнь*, называющие болезнь, которые возникали еще в праслав. эпоху и продолжали существовать и развиваться в церковнославянских текстах: праслав. **ognica* ‘болезнь, горячка’, **ognikъ* ‘воспаление’, **одпъсъ* ‘мокнущая экзема’ (ЭССЯ 2005 32: 21, 23, 33); *огневица, огненнага болѣзнь, огненыи нѣдугъ, огничныи нѣдугъ* ‘лихорадка, горячка; проказа’ (Сл.XI–XVII вв. 1987: 239), *огноище* ‘проказа’ (Сл.XVIII в.: 2006: 168).

Таким образом, сеть замыкается, выходя к первоначальной идее, связанной с болезнью и гневом.

6. Заключение

Как показали приведенные примеры, связи лексем, основанные на их внутренней форме, могут проявиться в пространстве текста. Тем не менее в большинстве случаев воплощение этимологии лексемы в тексте не всегда зависит от активной и, самое главное, сознательной работы самого автора текста, но, имплицитно присутствуя в лексеме, внутренняя форма имеет возможность развернуться в текстовом пространстве за счет естественных сочетаний лексем, имеющих сходные мотивационные значения, возникшие в период первичного познания человеком мира, и в некоторых случаях эти возможности используются. В развертывании и развитии текста большую роль играет не только отправная точка семантического развития слова – его первичная мотивировка, но и дальнейшее пребывание слова в системе языка, вхождение в определенные связи и отношения, запечатление в своей семантике этих связей и отношений с тем, чтобы позже воплотить их в единственном реальном существовании – в речи, продуктом которой является текст.

Источники и сокращения

Изб. – Жуковская Лидия П. (ред.), 1983, *Изборник Святослава. Факсимильное издание*, кн. 1, Москва.

Кир. Тур. 1 – Еремин Игорь П. (изд.), 1956, *Литературное наследие Кирилла Туровского*, „Труды отдела древнерусской литературы" 12, с. 340–362.

Кир. Тур. 2 – Еремин Игорь П. (изд.), 1957, *Литературное наследие Кирилла Туровского*, „Труды отдела древнерусской литературы" 13, с. 409-427.

Кир. Тур. 3 – Kirill von Turov, 1965, *Gebete*, „Slavische Propyläen" 6, s. 235–351.

Мар. – Ягич Вартослав (изд.), 1960, *Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями*, Grac.

Острож. – *Библия*, 1581, Острог.

Пчела – Семенов Виктор, 1893, *Древняя русская Пчела по пергаменному списку*, Санкт-Петербург.

Сл.XI–XVII вв. – Рубен И. Аванесов (и др.) (ред.), 1975 – (изд. продолжается), *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва.

Сл.XVIII в. – Сорокин Юрий С. (ред.), 1984 – (изд. продолжается), *Словарь русского языка XVIII в.*, Москва.

СС – Благова Эмилия, Вечерка Радослав, Цейтлин Раля М. (ред.), 1994, *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)*, Москва.

Супр. – Заимов Йордан, Капальдо Марио, 1983, *Супраслски или Ретков сборник*, т. 2, София.

Усп. сб. – Князевская Ольга А., Демьянов Владимир Г., Ляпон Майя В. (изд.), 1971, *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва.

ЭСБМ – Віктар У. Мартынаў (і інш.) (рэд.), 1978 – (выд. працягваецца), *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, Мінск.

ЭССЯ – Трубачев Олег Н. (и др.) (ред.), 1974 – (изд. продолжается), *Этимологический словарь славянских языков*, Москва.

Литература

Baudoin de Courtenay Jan Niecisław Ignacy, 1990, *Dzieła wybrane*, t. 4, Warszawa.

Brown Francis, Driver Samuel R., Briggs Charles A., 1907, *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic, Based on the Lexicon of William Gesenius*, Oxford.

Ondruš Šimon, 1959, *K etymologickému výkladu indoeurpskych promenovani strachu*, "Jazykovedny časopis", 1, roč. X, s. 15.

Pokorny Julius, 1959, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, bd. 1, Bern.

Sławski Franciszek, 1993, *Prasłowiańskie *gnĕvъ (uwagi metodyczne)*, [в:] Philologia slavica: К 70-летию акад. Н.И.Толстого, ред. Владимир Н. Топоров и др., Москва, с. 114–124.

Алексеев Анатолий А., 1999, *Текстология славянской Библии*, Köln; Weimar; Wien; Böhlau; Санкт-Петербург.

Вейсман Александр Д., 1899, *Греческо-русский словарь*, Санкт-Петербург.

Зализняк Андрей А., 2004, *«Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста*, Москва.

Мартынов Виктор В., 1962, *Из славянских этимологий. 3. gnĕvъ*, [в:] Этимологические исследования по русскому языку, вып. 2, ред. Петр С. Кузнецов, Москва, с. 55–57.

Меркулова Валентина А., 1978, *Русские этимологии*, [в:] Этимология 1976, ред. Олег Н. Трубачев, Москва, с. 91–101.
Откупщиков Юрий В., 1986, *Диалектный материал и этимология*, [в:] Этимология 1984, ред. Олег Н. Трубачев, Москва, с. 191–197.
Потебня Александр А., 1976, *Эстетика и поэтика*, Москва.
Трубачев Олег Н., 1992, *Этногенез славян и индоевропейская проблема*, [в:] Этимология 1988–1990, ред. Олег Н. Трубачев, Москва, с. 12–28.
Фасмер Макс, 1987а, *Этимологический словарь русского языка*, т. 3, Москва.
Фасмер Макс, 1987б, *Этимологический словарь русского языка*, т. 4, Москва.
Шустер-Шевц Хайнц (Гинц), 1992, Славянские протезы в случаях зияния... [в:] Этимология 1988–1990, ред. Олег Н. Трубачев, Москва, с. 88–97.
Якобсон Роман, 1985, Избранные работы, Москва.

Word's internal form and its realization in old Slavic texts

The article presents an analysis of how the word's internal form participates in the construction of text, specifically of whether its historical memory joins elements of text.

In focus is the transparent motivation of the word, which participates in the emergence of the *figura etymologica* construction, as well as de-etymologized motivation that serves to establish links within the textual space. The study was conducted on the basis of Old Slavic and Church Slavonic texts.

Key words: word's internal form; etymology; Church Slavonic language; Old Slavic language; text linguistics